

Письма солдат вермахта из Сталинградского окружения

Д.и.н. зав. кафедрой истории России Волгоградского государственного
университета
Н.Э. Вашкау
Волгоград

*Nie wieder Krieg! Dafür bete ich!
Ich kann nur weinen und Blumen bringen.
um Verzeihung bitten. Ich bin zutiefst erschüttert.*
Dunja Fischer, Berlin. 22.05.1997

*Мы, 10 человек участников парада Победы 24 июня 1945 года
на Красной Площади в г. Москве, посетили эту интересную
и правдивую выставку, которая взволновала нас
и заставила вспомнить наши фронтовые дни и будни.*
По поручению товарищей
Козлов Анатолий Венедиктович . 5 июля 1997 г.

Эти отзывы людей разных поколений и стран как нельзя лучше показывают необходимость нашего проекта, поддержанного международной комиссией по изучению истории российско-германских отношений, и названного лаконично «Последние письма из Сталинграда».

Мое знакомство с письмами немецких солдат из Сталинграда началось с поездки в Германию и работы в архивах Берлина, Фрайбурга, Штутгарта, Мюнхена - ежедневного чтения сотен писем и дневников немецких солдат и офицеров. Содержание, язык, метафоры, обращения к самым близким людям перед лицом смерти или принятия решения, последние слова прощания... И перед глазами картины сражений и ужаса войны.

Каждое поколение, которое участвует в войне, не представляет себе реалий этого до тех пор, пока само не побывает там. Но можно это понять, прочитав письма этого времени и проникнув в то тяжелейшее состояние. Для тех советских солдат, кто участвовал – понять, как было тяжело, и – выстояли. Для тех, кто пришел к нам с войной – понять, что это не должно повториться. Средства борьбы будут другие. Но если ты тяжело ранен или убит, ты никогда не увидишь небо, солнце, не увидишь своего ребенка...

Придать истории сражения на берегах Волги и Дона человеческое измерение оказалось возможным лишь тогда, когда в научный оборот были введены прямые свидетельства жизни и смерти окруженных немецких солдат, когда была осуществлена критическая проверка текстов, считавшихся прежде бесспорно достоверными.

В нашем распоряжении четыре группы источников, различающихся местом формирования и хранения. Мы рассматриваем наш проект как попытку формирования единого свода источников, которые позволят придать новый импульс научным трудам по истории Сталинградской битвы.

Первый комплекс писем был опубликован еще во время войны и имел совершенно четкую направленность – это издание, подготовленное коллективом сотрудников Института Маркса - Энгельса – Ленина при ЦК ВКП (б). Под названием «Разгром немцев под Сталинградом. Признания врага» оно было выпущено военным издательством Народного комиссариата обороны уже в 1944 г.

Книга содержит отрывки из писем и дневников немецких солдат и офицеров, окруженных под Сталинградом. Большая часть их относится к ноябрю, декабрю 1942 и к первой половине января 1943 года. Несмотря на страх перед военной цензурой, солдаты откровенно высказывали свое недовольство и страх перед грядущим.

Второй комплекс – письма из архива музея-заповедника «Сталинградская битва». Напомним историю открытия писем. В 1943 г. в фонды Сталинградского государственного музея обороны (ныне Государственный музей-панорама "Сталинградская битва") поступили большие коллекции немецких документов, захваченных в ходе ликвидации окруженной группировки противника, в том числе несколько мешков с письмами полевой почты 6-й армии. Их авторы, очевидно, почти все погибли, а письма, не дошедшие до адресатов, были захвачены красноармейцами в качестве трофейных документов.

До 1953 г. они хранились в неразобранном виде в запасниках музея, но затем по распоряжению областного управления КГБ мешки с письмами были сожжены в котельной музея обороны. Но часть их спасли от уничтожения. Только в 1983 г. многие письма были отреставрированы, переведены на русский язык.

Их значение трудно переоценить: ведь они написаны людьми, пережившими трагедию Сталинграда. С потрясающей откровенностью и прямоотой письма отражают моральное и физическое состояние немецких солдат и офицеров. Перед исследователем предстает "субъективная реальность" сталинградского окружения – предсмертные мысли и чувства людей, попавших в колеса гитлеровской военной машины и выступавших в двойной роли – роли преступника и жертвы.

В июне 1991 г. впервые часть писем была представлена на выставке в Берлине под названием «Сталинград-письма из котла». В марте-июне 1993 г. экспозиция была развернута сначала в Майнце, а затем в берлинском районе Шпандау. В 1994 г. – в Волгограде.

Третий комплекс: Практически одновременно с открытием выставки писем вышел сборник писем на немецком языке российских архивистов А.Головчанского, В. Осипова, А. Прокопенко и немецких историков Уте Даниэль и Юргена Ройлеке – сотрудников университета города Зиген (земля Северный Рейн-Вестфалия). В распоряжении

исследователей оказался значительный массив извлеченных из российских архивов принципиально новых источников, свидетельствующих о "повседневности катастрофы" в сталинградском котле. На секретном хранении в московском Особом архиве хранились 6 тысяч немецких писем. Это были письма – комплексы – иногда целые серии, пронумерованные, от жены к мужу, еще не отосланные собственные письма и неоткрытые от родных.

Знаменательно то, что именно российско-германская общественная организация "Мюльхаймская инициатива", действующая во имя примирения и сотрудничества и примирения народов наших стран, провела презентацию книги.

Четвертый комплекс. Письма из коллекции Р. Штерца.

Часть писем из Сталинграда опубликовал Райнхольд Штерц в Мюнхене в 1982 г. Он опередил время, интереса в обществе к источникам личного происхождения в Германии тогда не было. Советские архивы были закрыты, поэтому возможности провести комплексный анализ писем не представлялось возможным. Заметного резонанса публикация не вызвала. Прав был Генрих Бёлль, заявивший в 1984 г.: "До сих пор большинство немцев так и не поняло, что их никто не звал под Сталинград, что как победители они были бесчеловечны и очеловечились лишь в роли побежденных». Это собрание включает в себя отрывки из писем немецких солдат с разных фронтов сражений. Они даны в отрывках без указания полного имени и фамилии, что затрудняет их идентификацию. Хранится собрание в библиотеке г. Штуттгарта.

Интерес к письмам в Германии пережил новый всплеск в середине 80-х годов. И по тому заряду коммуникации, сообщений, чувства, аутентичности не могли соперничать/конкурировать приказы, официальные сообщения, дневники и воспоминания командиров.

Практически в каждом третьем письме из проанализированной нами почты немецких солдат и офицеров сообщается о противнике или гражданском населении. Обозначаются они как русский/русские. Гораздо реже – Иван, враг, злой враг, еще реже встречается пропагандистская окраска - большевики, красные, советские. Очень редко: собаки, негодяи, косолазые.

Война воспринималась и отображалась по-разному: солдатом – стрелком танка на Восточном фронте и совершенно по-другому связистом или поваром в интендантской роте. На войне не только сражаются. Но и меняют место дислокации, беседуют по вечерам, охраняют тыловые коммуникации, бездельничают, пьют хорошее французское вино (офицеры). Но об этих буднях практически никогда не рассказывают. А вот о том, что связано с опасностью, тяготами, отвагой, удачей - да.

Если до ноября 1942 г. содержание писем немецких солдат из Сталинграда мало отличалось от писем с других участков фронта, то с началом советского контрнаступления тональность корреспонденции существенно меняется. Когда положение на фронте становилось все серьезнее, появилась трезвая оценка противника - как советские солдаты

сражаются, каковы техника, вооружение, обмундирование. Встречаются выражения: «русский – храбрый», «ожесточенный», он «защищается». со вшами как с русскими – одну убьешь – десять новых появляется. Собаки, сражаются как львы.

Авторами писем являются представители разных возрастных групп, образования и социального статуса. Все они содержат, казалось бы, незначительные факты – описание погоды, ожидание почты, воспоминания о жизни дома, вопросы к родным, надежду на отпуск, сетования на болезни, завшивленность, голод, чувство одиночества, и как последняя надежда, упование на Бога, который прекратит их страдания...

« ...У русского невероятное количество проклятых миномётов, их выстрела не слышишь; вдруг разрыв – и осколки летят уже во все стороны. А затем их «орган», нечто вроде нашего шестиствольного миномёта, но только он куда сильнее действует на нервы. Мне уже приходилось видеть раненых, в которых попало 30 и больше осколков. Кто не слышал «органа» и не стоял под его огнём, тот не знает России».

Из письма ефрейтора Вилли Шульц, п/п 44845 13/11/1942 г.

Рождество 1942 г. стало водоразделом в восприятии действительности. Каждое письмо немецкого солдата из Сталинграда содержит мольбу к Богу, воспоминания о доме: свечи, кухен, елка, платье, в котором жена была на прошлом Рождестве. А здесь – самодельная свеча в консервной банке – и фраза в записной книжке Вернера Клея от 26 декабря: «Сегодня ради праздника сварил кошку». Этот факт он не мог из соображений военной цензуры и сохранения спокойствия близких написать в письме... И потому пропагандистские лозунги не достигали уже цели: «Старый год приближается к концу. Только что говорил Геббельс, энтузиазма он у нас не вызвал. Уже много недель, как энтузиазма и в помине нет. Что у нас в изобилии, так это вши и бомбы...» - пишет обер-ефрейтор Генрих Гейнеман жене 31 декабря 1942г.

В январских письмах 1943г. уже вопль о помощи: «Часто задаешь себе вопрос. К чему все эти страдания, не сошло ли человечество с ума? Но размышлять об этом не следует, иначе в голову приходят странные мысли, которые не должны были бы появляться у немца». «Если мы выберемся из этой преисподней, мы начнем жизнь сначала». «Хоть раз напишу тебе правду»...

За пять месяцев боев под Сталинградом и в самом городе они познали силу сопротивления советских воинов, по достоинству оценили их мужество и воинское мастерство. В своих письмах родным и знакомым немецкие солдаты, несмотря на жестокую цензуру, откровенно сообщали, о том, какая драма разыгралась на улицах и площадях разрушенного, но не сломленного города.

Образ врага претерпевает изменения – он исчезает из писем, но солдаты не готовы признать свою страну виновницей конфликта, собственного бедственного положения, они ищут оправдания и рядом с отчаянными строками прощания из чувства национальной гордости,

инстинкта самосохранения пишут *«Дорогая Лизхен, мы часто спрашиваем себя, сколько все это мы еще сможем выдержать, иногда мы близки к отчаянию, но потом соберешься и поднимаешь голову. Когда-нибудь это же кончится, но только когда?»*. *«...Что здесь происходит, ты знаешь из сводки верховного командования. Каково мне, ты себе не представить не можешь. Не беспокойся, всё будет хорошо, мы окружены, но фюрер нас выведет отсюда...»*.

Предсмертная реальность изменила сам язык, форму обращения, темы, которые отражены в письмах. Если раньше офицеры писали в письмах строки из стихов любимых поэтов, которые напоминал безмятежный пейзаж бескрайней украинской степи, то теперь все условности и воспитание были отброшены: *«Здесь делаешься таким грубым и бесчувственным. Мертвецы – повседневное зрелище; испытывать сострадание мы разучились, любви больше не требуется, остались только животные инстинкты, жрём мы и живём все, как свиньи. Рубаха у меня коробится от грязи и крови. Муки мы здесь терпим неопишуемые»*.

В письмах нет прямых рефлексий по поводу политики нацистского командования, нет попыток анализа причин сложившегося положения. Солдаты знали о цензуре и зачастую не рисковали сообщать об истинном положении вещей. Но само описание ежедневного пайка, навязчивое желание получить в посылке от родных мармелад, сладости, прямое указание на интенсивность наступления советских войск – все это показывает, что солдаты уже куда меньше оглядывались на цензуру, представляя себя, однако, не виновниками войны, но жертвами обстоятельств. Из писем исчезает упоминание о русских как о противнике, образ врага постепенно вытесняется из сознания, замещается мыслями о бессмысленности существования, нахождения в чужой стране, куда их привела нацистская диктатура.

В конце сражения катастрофа 6-й армии под Сталинградом стала символом военной неудачи на Востоке, заносчивости руководства, бессмысленности, так называемой героической смерти на «поле чести». То, что поражение было условием освобождения, остается горьким, но неопровержимым фактом. Это суждение последующих поколений не умаляет страданий жертв и не отменяет скорби. Но оно предохраняет от лживого представления о равенстве вины.

Тот факт, что газета *«Badische Zeitung»*, откликаясь на дату - 70-летие начала Второй мировой войны, - обратилась к письмам из собрания Р. Штерца и процитировала часть из них, приглашая читателя проникнуться рассказами нескольких солдат из 20 миллионов молодых немцев, начавших кровавый поход по Европе, составить собственное видение войны и нацистской диктатуры, показывает, что этот источник востребован сегодня, как никогда прежде.

Какие новые вопросы ставят эти источники, какие новые горизонты открывают? В первую очередь, это использование их как полноценных источников по истории Великой Отечественной войны, наряду с приказами,

отчетами, другими делопроизводственными материалами, печатью и воспоминаниями. Это важный источник для исследования истории отдельных немецких дивизий (что стало в Германии востребовано), отдельных военных операций, изучение семейных связей и отношений, место женщины на войне.

В дни празднования 70-летия Сталинградской битвы снова обнаружился интерес к частным источникам. Интернет полон информации и переводов писем на русский язык, в том числе и того источника, который давно и аргументированно подвергнут критике (публикация немецких писем в 1949 г. журналом «Шпигель», повторенная в 1954 г. издательством «Бертельсман», переведенная на русский язык и опубликованная в 1990 г. журналом «Знамя»). Эта фальшивая публикация ставит перед историками как раз задачу привлечь внимание к действительным источникам, которые сохранились в архивах, и отражают реальное состояние духа армии противника.

Этот источник продолжает вызывать интерес у молодежи. Приведу мнение девушки, оставленное на русскоязычном сайте: «Может в это трудно поверить сегодня, но однажды в школьном сочинении я написала, что хотела бы знать, что писали из окопов своим родителям, женам и детям немецкие солдаты».

Представляемые российскому читателю письма немецких солдат, отражающие историю Сталинградской битвы снизу, с нового ракурса, побуждают размышлять и современную молодежь России. Это повод обратиться к своему семейному архиву, для нового поколения историков – тема компаративного исследования образа противника и образа советского солдата. Очень важно, на наш взгляд, использование писем с фронта (в том числе и советских солдат) как дидактического материала в школах и вузах, где формируются основы патриотизма и долга, ответственности и совести молодежи.

Я благодарю работников архивов, библиотек, коллег за помощь в подготовке книги, а также издательство «РОССПЭН», которое публикует сборник документов под моей редакцией «Хоть раз напишу тебе правду...».